

СМАРТФОН КАК СВИДЕТЕЛЬ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ МЕДИАЦИЯ ТЕЛЕСНО-СЕНСОРНОГО ОПЫТА

Елена Константиновна Соколова

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
32а Ленинский пр., Москва, Россия
elena.k.sokolova@gmail.com

Аннотация: В статье на эмпирическом материале исследуется, как использование смартфона, олицетворения современных массовых технологий опосредования, меняет традиционную (офлайн) телесно-ориентированную практику аутентичного движения. Задачами являются определение роли смартфона как технологии медиации, а также выделение эффектов от медиации на уровне телесно-сенсорного опыта. Технологические индустрии все в большей степени ориентируются на программные методы исследования опыта использования технологий, которые исключают так называемый человеческий фактор: ошибки, некорректную информацию, высокую стоимость контакта. Но на общем фоне повышения эффективности появляется желание не исключать человека совсем: субъективный опыт имеет ценность для исследователя, который с помощью целостного подхода, классической офлайн-этнографии, позволяет обнаружить в нем смыслы, недоступные методам big data.

Ключевые слова: тело, технологии, смартфон, медиация, аутентичное движение, свидетельствование, эксперимент, этнография, постфеноменология.

Для ссылок: Соколова Е. Смартфон как свидетель: технологическая медиация телесно-сенсорного опыта // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 147–171.

doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-38-147-171

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/038/sokolova.pdf>

SMARTPHONE AS A WITNESS: TECHNOLOGICAL MEDIATION OF BODILY SENSORY EXPERIENCE

Elena Sokolova

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences
32a Leninskiy Av., Moscow, Russia
elena.k.sokolova@gmail.com

Abstract: The article explores how the use of smartphones — one of the most widespread user technologies at the moment — change the traditional (offline) body-oriented practice of authentic movement. It aims to determine one role of the smartphone as a technology of mediation, as well as to highlight the effects of mediation at the level of bodily and sensory experience. Technological industries increasingly focus on data methods that help to exclude the so-called human factor: errors, incorrect information, and the high costs of contact. However, in this general context of the increasing efficiency of research, there is a desire not to exclude the subjective position of a user altogether: it has value for a social researcher who makes it possible to discover meanings that are inaccessible to big data methods with the help of a holistic ethnographic approach. Based on empirical material, a smartphone can immediately absorb a user's attention and remove them from the surrounding environment. It also gives users an opportunity to become creators. In this sense, a smartphone camera is like a traditional camera, but it becomes much more effective. It has the potential for expanding a user's capabilities by connecting people and providing a constant flow of information feedback, including visual feedback. However, there are some limitations imposed by technological mediation, such as a decrease in the ability to fully maintain contact with the bodily-sensory dimension of self and others, compared to offline situations. Intruding into a practice of authentic movement, a smartphone can be perceived as a technological other, an abstract figure filled with various individual meanings, fears, and expectations. As a witness, a smartphone is the big eye of the big brother, which turns authentic movement into performance, but doesn't allow the majority of practitioners to completely feel this art with their disconnected bodies. Therefore, many of them are not ready to use smartphones in their regular offline formats. Technologies make us connected and visible, but this does not mean to be seen in the sense of genuine co-presence in authentic movement.

Keywords: body, technologies, smartphone, mediation, authentic movement, witnessing, experiment, ethnography, postphenomenology.

To cite: Sokolova E., 'Smartfon kak svidatel: tekhnologicheskaya mediatsiya telesno-sensornogo opyta' [Smartphone as a Witness: Technological Mediation of Bodily Sensory Experience], *Antropologicheskij forum*, 2018, no. 38, pp. 147–171.

doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-38-147-171

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/038/sokolova.pdf>

Елена Соколова

Смартфон как свидетель: технологическая медиация телесно-сенсорного опыта

В статье на эмпирическом материале исследуется, как использование смартфона, олицетворения современных массовых технологий опосредования, меняет традиционную (офлайн) телесно-ориентированную практику аутентичного движения. Задачами являются определение роли смартфона как технологии медиации, а также выделение эффектов от медиации на уровне телесно-сенсорного опыта. Технологические индустрии все в большей степени ориентируются на программные методы исследования опыта использования технологий, которые исключают так называемый человеческий фактор: ошибки, некорректную информацию, высокую стоимость контакта. Но на общем фоне повышения эффективности появляется желание не исключать человека совсем: субъективный опыт имеет ценность для исследователя, который с помощью целостного подхода, классической офлайн-этнографии, позволяет обнаружить в нем смыслы, недоступные методам big data.

Ключевые слова: тело, технологии, смартфон, медиация, аутентичное движение, свидетельствование, эксперимент, этнография, постфеноменология.

Путем лабораторий

Никогда не завидовал первопроходцам.
(Из мема в Instagram)

Идея исследовать влияние смартфона на телесно-сенсорный опыт пришла автору в 2015 г. при выборе темы диссертационной работы в области социально-культурной антропологии. Пользовательский опыт, *UX (user experience)*, повсеместно изучается компаниями — производителями устройств и программного обеспечения, но имеет весьма ограниченный набор задач и методов, распространяющийся, как правило, на конкретный набор функций или последовательность действий пользователя, тогда как социальный интерес к последствиям использования смартфонов выходит далеко за пределы потребностей компаний. Проблема смартфонов не носит узкоспециальный характер, связанный непосредственно с устройством, но в большей степени касается его функциональных возможностей, например доступа к интернету, различным программам и приложениям, социальным сетям и играм. Таким образом, она связывается с повесткой этики, политики и *осознанной практики* в области использования

Елена Константиновна Соколова
Институт этнологии
и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия
elena.k.sokolova@gmail.com

технологий, включающей появление таких терминов, как *цифровая зависимость*, *информационная грамотность*, *медиаэкология*. В качестве недавних примеров можно привести признание игромании заболеванием со стороны ВОЗ [Heater 2018] или широкое обсуждение *экономики внимания* и вреда социальных сетей [Williams 2017; Lanier 2018].

Развитие информационных технологий приводит к резкому увеличению сложности социотехнологической системы и росту объема потребляемой информации, который становится труднопереносимым для человека как биологического существа, эволюционирующего медленнее, чем технологии. Такое положение создает необходимость в искусственном адаптирующем интерфейсе, например *нейроассистентах*¹. Тема нейротехнологий в настоящее время по-прежнему остается достаточно нишевой, тогда как ассистивные технологии на основе *искусственного интеллекта*, разрабатываемые ведущими компаниями, такими как Amazon или Yandex, быстро становятся массовыми, с важной оговоркой, что с точки зрения готовности приносить реальную пользу они также находятся на стадии зарождения и могут выполнять только простые задачи.

В то время как инженеры продолжают работать над решением проблемы переизбытка информации, пользователи остаются наедине со своими смартфонами круглосуточно, проверяя их в среднем 47 раз в день, или 82 раза, если им от 18 до 24 лет [Alderman 2017], а также зачастую задаваясь вопросом, как можно совмещать социальную активность в сети с ухудшающимся воспринимаемым качеством жизни². Телесно-сенсорное измерение пользовательского опыта приобретает особую важность и может существенным образом влиять на поведенческие стратегии в отношении технологий. После того как Google и Apple объявили о своих программах в области *цифрового благополучия* и *цифрового здоровья* (*digital wellness*, *digital health*), позволяющих пользователям контролировать и ограничивать время, проведенное «в смартфоне» [Haselton 2018; Bloomberg 2018], становится очевидным, что дальнейший рост вовлечения возможен только при условии здоровой интеграции человека и информационных технологий, но каким образом этого можно добиться? Перефразируя сообразно тенденциям современного *научного активизма*, может ли социаль-

¹ Каплан А., Щукин Т., Гусев А., Галкина Н., Соколова Е., Левич П. Панельная дискуссия «Нейротехнологии: возможности и опасности. Какой мир мы создаем?» <<https://youtu.be/4HEw4FtCNd8>>.

² How Heavy Use of Social Media is Linked to Mental illness. <<https://www.economist.com/graphic-detail/2018/05/18/how-heavy-use-of-social-media-is-linked-to-mental-illness>>; RSPH. Instagram Ranked Worst for Young People's Mental Health. <<http://www.rsph.org.uk/about-us/news/instagram-ranked-worst-for-young-people-s-mental-health.html>>. См. также [Twenge 2017] и др.

ный исследователь помочь этой миссии и выступить катализатором на своем поле, располагая ресурсом, необходимым для качественной (с точки зрения метода) рефлексии технологических практик?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, появившийся раньше, чем технологические гиганты начали официально заботиться о здоровье пользователей, автор статьи пыталась организовать междисциплинарные исследовательские группы и проекты, открывающие пространство для эксперимента и позволяющие исследовать опыт тела и технологий коллективно.

Lab-1: теория

Идея лаборатории для исследования цифровых зависимостей была одной из первых и наиболее очевидных, но в силу обстоятельств пока не реализована. Вместо нее в качестве одного из проектов онлайн-школы Клуба любителей интернета и общества, независимого научного сетевого сообщества социальных исследователей технологий, был запущен междисциплинарный дистанционный трек «Тело и интернет», совмещающий теоретический курс и возможности для исследования. Идея трека состояла в том, чтобы собрать теории, методы и практики, включая в поле интересов как различные формы воплощения человека в виртуальном пространстве, составляющие традиционный предмет цифровой этнографии, так и непосредственный телесно-сенсорный опыт, связанный с использованием интернета. Перед началом трека мы задавались вопросами о том, что делает тело в интернете, как онлайн-опыт влияет на офлайн и наоборот, может ли тело быть интерфейсом сборки реальностей. Трек состоялся в марте-июне 2018 г. усилиями 3 тьюторов, 5 лекторов и 12 участников, среди которых были антропологи, социологи, психологи, философы, культурологи, художники и др. Подготовка и реализация трека позволила собрать различные теоретические подходы к изучению опыта тела и технологий, а также исследованию феномена цифровой технологической медиации телесного опыта, которые очень кратко будут систематизированы далее по тексту применительно к теме настоящей статьи.

Итак, каким образом можно подходить к исследованию телесно-сенсорного опыта использования смартфонов? Можно выделить три важных оси возможностей, связанных с направлениями теоретического анализа. Первая ось касается *отношения* тела и технологий: выбор исследовать тело и технологии нераздельно, как *техно-корпо-реальность* [Соколовский 2017], или исследовать их отношения [Ihde 1975], выделяя с целью анализа активную роль технологий и воз-

можности технологической *медиации* [Rosenberger, Verbeek 2015: 20].

Вторая ось касается так называемых реальностей тела: выбор исследовать *виртуальные тела* на экране, технологическую виртуальность или же актуальный, физический аспект пользовательского опыта; также тут появляется возможность объединения или соотнесения этого опыта — тела *киборгов* [Haraway 1985], интегрированные или множественные тела, рассматриваемые в разных теоретических концепциях. Так, к исследованию тела и телесности можно подходить с позиций философии, истории, политики или нормы [Сироткина 2018]. Можно выделить тело *физическое*, «имеющее размеры, биохимию, анатомию и физиологию», тело *социальное*, «украшаемое, демонстрируемое», и тело *проживаемое*, идея которого отсылает к феноменологии [Соколовский 2018]. Широко используется концепция *множественного тела* (*the body multiple*) Анн-Мари Мол, представленная в рамках ее одноименной работы, посвященной онтологии медицинской практики. Мол постулирует, что реальность *множественна* (*multiple*), никакой объект, тело или болезнь не могут быть *единичными*, единственно-возможными (*singular*) [Mol 2002: 6]. При этом речь идет не о фрагментации, а скорее о «сложной скоординированной множественности» (*intricately coordinated crowd*) [Mol 2002: viii].

Третья ось касается позиции исследователя: будет ли опыт исходить от первого лица, и тогда мы снова обращаемся к феноменологическому анализу [Мерло-Понти 1999] и его постфеноменологической версии [Ihde 2002], или же исследователь будет следовать традиции, когда субъект и объект исследования разделены, и, таким образом, мы исследуем технологический опыт *других*, будь это классическая или цифровая этнография [Miller, Sinanan 2014]¹. Подобная рамка может быть полезной, поскольку она позволяет более четко обозначить теоретическую и методологическую позицию исследователя. Также иногда она облегчает интерпретацию полевых результатов, особенно в ситуациях, когда на уровне обычных пользователей, погружившихся в технологический опыт, но не имеющих опыта его рефлексии, для этого не хватает языка.

Lab-2: практика

Источником полевого материала для статьи послужила еще одна исследовательская лаборатория — экспериментальная сессия технологической медиации движения на ежегодной

¹ См. также: UCL ASSA. <<https://blogs.ucl.ac.uk/assa/>>.

международной встрече-лаборатории практиков *аутентичного движения*, которая объединяет русскоязычных участников из разных стран и имеет десятилетнюю историю опытов с содержанием и формой процессов. Практика аутентичного движения выбрана для изучения тела и технологий по трем причинам. 1) Она развивает телесную осознанность и специальный язык, позволяющий более содержательно говорить о телесно-сенсорном опыте. 2) Ориентируясь на традиционные офлайн-форматы, где практикующие встречаются лицом к лицу, она многие годы остается в стороне от процессов технологизации опыта и таким образом представляет исследовательский интерес как естественный пример частичного *отказа от использования технологий (disengagement)*¹. 3) Она обладает набором признаков, кажущихся противоречивыми: она одновременно проста, традиционна и инновационна по своей сути, приглашая практиков к исследованию нового опыта и новых форматов. Примером экспериментального формата является упомянутая выше лаборатория, в рамках которой в июне 2017 г. автором статьи была предложена идея поработать с технологиями опосредования и возможностями интеграции опыта: вместо обычного живого свидетельствования в процессе движения использовать смартфон. Речь шла о том, чтобы исследовать, как привносимые в процесс практики устройства влияют на процессы движения и свидетельствования, а также обсудить это в группе практиков со значительным опытом, достаточно разным (имеются в виду различные направления аутентичного движения, но также важны и индивидуальные различия). Близкие идеи высказали и другие участники лаборатории, предложив, например, такие темы, как *неправильное свидетельствование*, работу с *шириной канала внимания* и т.д. Таким образом, процесс со смартфонами, включающий и фото-, и видеосъемку, был добавлен в повестку лаборатории, состоящей из 19 практиков аутентичного движения.

Настоящая статья соединила в себе опыт обозначенных выше лабораторий, которые стали ресурсами для теоретической и эмпирической базы исследования. Цель статьи состоит в том, чтобы изучить, как использование смартфона, олицетворения современных массовых технологий опосредования, меняет традиционную (*офлайн*) телесно-ориентированную практику аутентичного движения. Задачами являются определение роли смартфона как технологии медиации для участников лаборатории, выделение эффектов от опосредования на уровне телесно-сенсорного опыта. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение, что опытные участники, обладающие развитой за

¹ Digital Disengagement. <<https://sites.google.com/view/digitaldisengagementproject/home>>.

много лет регулярной практики телесной осознанностью, как движущиеся, так и свидетели, смогут интегрировать появление смартфона как дополнительного обстоятельства практики, не теряя существенным образом качества своего внимания. Гипотеза кажется автору важной, поскольку ее подтверждение может дать основания надеяться на то, что навыки осознанного телесного присутствия можно переносить в область осознанного телесного соприсутствия с технологиями.

В качестве теоретической позиции в статье используется целенаправленное выделение технологии медиации с целью ее исследования. Прежде всего, автора интересует вопрос восприятия смартфона, его роли, спонтанно обозначаемой и рефлексивируемой в группе, его функций; особое место отводится исследованию процесса медиации и его эффектов. Также автор исходит из позиции множественности реальностей и тел в опыте практики, подразумевая наличие виртуальности не только технологической, но и виртуальности внутреннего мира образов и фантазий, который в некоторых направлениях практики аутентичного движения превалирует над телесным трекингом, соотносясь с юнгианским *движущим воображением*. Третья позиция исходит из комплексности исследуемой практики, которая по своей природе двойственна и включает роли движущегося и свидетеля. В исследовании есть место для позиции от первого лица, близкой феноменологической, но есть также включенный наблюдатель — свидетель.

Методологически речь в статье идет прежде всего о конкретной лаборатории, об эксперименте, который длился полдня, включая процессы движения и свидетельствования для каждого участника, а также серию сессий рефлексии, сначала в паре, потом в общем кругу, а по прошествии определенного времени в отчете о лаборатории. Следует также отметить, что еще одним основанием является длительный опыт полевого наблюдения и практики аутентичного движения, который обеспечивает более глубокое понимание как самой практики, так и особенностей сообщества практикующих. Таким образом, речь идет о добавлении к эксперименту классической этнографии, а также элементов цифровой этнографии в том, что касается исследования новых форматов практики, которые появляются с развитием технологий. В технологических индустриях все больше принято ориентироваться на программные методы исследования, которые исключают так называемый *человеческий фактор*: ошибки, некорректную или заведомо ложную информацию, высокую стоимость контакта. Но на общем фоне повышения эффективности появляется желание не исключать человека совсем: его субъективный опыт имеет ценность не только для него самого, но и для исследователя, который

с помощью целостного подхода, классической офлайн-этнографии, позволяет обнаружить в нем смыслы, недоступные методам *big data* [Miller et al. 2016; Utekhin 2017].

Еще один путь в прямой опыт

Прежде чем переходить к описанию и анализу результатов эксперимента со смартфоном, кратко расскажем о том, что представляет собой аутентичное движение. Это телесно-ориентированная практика, истоки которой восходят к работе американской танцовщицы, в последующем юнгианского терапевта Мэри Старкс Уайтхаус (1911–1979), изучавшей природу движения [Whitehouse 1999]. В широком смысле аутентичное движение можно определить как «простую форму самонаправленного движения»¹ — этот термин, используемый международным сообществом, подчеркивает направленность внимания внутрь, к исследованию движения и опыта движущегося в целом. Как правило, глаза движущегося в этот момент закрыты, поскольку именно таким образом легче направлять свое внимание и исследовать импульсы, которые приходят. Как правило, в общем процессе, проходящем очно, в ограниченном пространстве и времени сопредсутствуют движущийся и свидетель. Наличие свидетеля формирует основу практики: в одном из определений аутентичное движение есть «сострадательное свидетельствование того, как движение становится осознанным, это процесс, возникающий в отношении между движущимся и свидетелем»².

Сравнивая аутентичное движение с традиционной буддистской медитацией, Линда Хартли говорит, что это «еще один путь в прямой опыт», и описывает этот опыт через обращение к телу: «Обращая внимание на чувственный мир вокруг меня и во мне, я вхожу в свое тело, в этом месте, в настоящем моменте»³. В опыте движущегося Хартли различает «внутренние ощущения, чувства, образы и импульсы движения», а в опыте свидетеля — «ощущения и чувства, которые могут возникнуть в присутствии движущегося: проприоцептивный или кинестетический опыт внутри моего собственного тела или чувственное восприятие пространства, света, звука, веса и т.д.», которые воспринимаются и признаются «как мой собственный опыт».

¹ Authentic Movement Community. <<https://membersam.org>>.

² Adler J. Discipline of Authentic Movement. <<http://www.disciplineofauthenticmovement.com/discipline-of-authentic-movement-description.html>>.

³ Hartley L. An Enquiry into Direct Experience. <http://www.lindahartley.co.uk/article_an-enquiry-into-direct-experience.html>.

Таким образом, аутентичное движение можно представить как инструмент обращения к собственному непосредственному телесно-сенсорному опыту, который может быть использован для разных целей и в разных обстоятельствах. В настоящее время аутентичное движение может быть самостоятельным направлением [Adler 2002] или интегрироваться как часть терапевтических [Chodorow 1991], соматических, медитационных, танцевальных, художественных и других практик. Не существует единого формата, понимания и описания аутентичного движения: оно постоянно эволюционирует и видоизменяется, распадаясь на различные направления, которые, впрочем, на уровне индивидуальной практики существенным образом зависят от интересов и личного опыта самих практикующих.

Целенаправленный выбор телесно-ориентированной практики объясняется множеством факторов. Телесный опыт в современной культуре, как правило, деприоритизируется по сравнению с концептуальным знанием. История, философия и прочая современная социальная теория, исследующая проблемы телесности, позволяет лучше понять, почему так происходит, но не позволяет качественно изменить эту ситуацию. Более того, можно заметить, что теоретические тексты, написанные о теле, чаще всего используют такой концептуальный инструментарий и такой режим, которые делают интеграцию телесного опыта во время чтения труднодоступной или невозможной, т.е. сами оказываются *disembodied*. Большинство людей имеют весьма низкую телесную осознанность и затрудняются с описанием своего опыта: здесь нужен особый метод и язык, а также развитая способность внимательно наблюдать, оставаясь при этом внутри процесса взаимодействия. Практики аутентичного движения, имеющие большой стаж, обладают и методом, и языком описания, поскольку в самой практике заложены инструменты рефлексии этого опыта. В аутентичном движении исследуется не только движение и тело само по себе, но еще и тело в отношениях, коллективное тело. Реляционная направленность практики создает условия, позволяющие проанализировать, как вторжение смартфона скажется на отношениях между участниками: будет ли смартфон восприниматься еще одним участником процесса, самостоятельным технологическим свидетелем или же приложением к другому, человеческому участнику; будет ли он существенным образом оказывать влияние на практику, мешать ей или помогать; готовы ли практики, попробовав такой опыт, использовать технологии внутри процессов в дальнейшем. Таким образом, исследование технологий медиации в практике аутентичного движения предоставляет не только расширенные возможности наблюдения телесно-сенсорного опыта, вер-

бальной рефлексии, но и затрагивает социальные аспекты практики.

Большой глаз

Настоящий раздел посвящен смартфонам, неоднозначно воспринимаемым компаньонам современного человека. По статистике на момент написания статьи более 5 миллиардов человек во всем мире пользуются мобильными телефонами, количество пользователей продолжает расти¹, и уже более 80 % продаж всех мобильных телефонов составляют смартфоны². Использование смартфонов вносит изменения в повседневную жизнь, влияет на практики [Goggin, Hjorth 2014] и телесные паттерны [Глазков 2017], а «как носитель социальных медиа, [смартфон] возможно, вообще является сейчас самой важной для нас вещью из всего, чем мы владеем» [Фаворов 2016].

Таким образом, исследователь имеет дело с массовой практикой, подойти к которой можно самыми разными способами. В статье предлагается рассмотреть потенциал смартфона как особого технологического актора, а также как интерфейса, связывающего других акторов, включая то влияние, которое он оказывает на них. В этой части интерес представляет постфеноменологический анализ, который выделяет в отношениях человека с технологиями особый тип отношений *несхожести* или *инаковости* (*alterity relations*). Они «вовлекают технологии как таковые, как *квазиобъекты* или *квазидругих*» [Ihde 2009: 42]. Примерами таких технологий могут быть гаджеты, роботы, чат-боты, представляющие технологического *другого*. Выделяются также *отношения опосредования* (*mediated relations*), которые определяются как «отношения с артефактами, в которых они опосредуют отношения людей с их миром» [Verbeek 2005: 125]. К этому типу относятся *герменевтические отношения* (*hermeneutic relations*), когда «мир воспринимается не через артефакт, а посредством его», а также отношения воплощения (*embodiment relations*), когда технологии включаются в опыт, изменяя телесно-чувственное восприятие в сторону расширения (*enhancement*) или, наоборот, редукции (*reduction*) [Verbeek 2005]. Постфеноменология исследует «фундаментально опосредованный характер» отношений, когда между субъектом и объектом нет прямой связи [Rosenberger, Verbeek 2015: 12] и может возникать потенциал для совершенно нового типа знания [Rosenberger, Verbeek 2015: 151]. Предмет и объект, таким образом, формируются в их опо-

¹ <<https://wearesocial.com/blog/2018/01/global-digital-report-2018>>.

² Statista. Global feature phone & smartphone sales share 2009-2017 // Statista 2018. <<https://www.statista.com/statistics/617945/feature-phone-smartphone-share-of-global-mobile-phone-sales/>>.

средованном соотношении, но если акторно-сетевая теория изучает сложные сети отношений *извне*, с точки зрения третьего лица, то постфеноменология, фокусируясь на отношениях человека и мира, обращая внимание на их технологически опосредованный характер, исследует возможность взгляда *изнутри*, отталкиваясь от перспективы самого исследователя. Это необязательно различия между людьми и технологиями, от которых человек хочет уйти, но их радикальное разделение, которое позволяет концептуализировать активную роль технологий [Rosenberger, Verbeek 2015: 20].

Изучая технологических *других* в русле постфеноменологии, исследователям так или иначе приходится обращаться к метафорам: «Вы когда-нибудь думали, почему у сотового телефона есть экран? Если технология — это *квазидругой*, то <...> экран — это *квазилицо*» [Wellner 2014: 299]. В рамках лаборатории на эмпирическом материале стало очевидно, что смартфон может восприниматься как некая самостоятельная фигура. Но существенным моментом здесь стал вопрос, касающийся того, что или кто стоит за этой фигурой *другого*: смартфон наделяется смыслами и именами. В разных обстоятельствах он может проявляться как *нечеловеческий ужас* и как *живой телефончик*. Например, по ту сторону экрана участнику может представляться аудитория подписчиков его канала в соцсетях, которая внимает, — и тогда это может восприниматься как существенная поддержка, еще один ресурс ценного свидетельского внимания [Инф. 3]. Или, напротив, когда по ту сторону есть только неизвестность, ужас, который нельзя даже определить как человеческий, это *non-human*, «чужой», и от этого ощущения «начинает корезить» [Инф. 17]. Тогда процесс движения может превратиться в процесс по мотивам «Черного зеркала», известного сериала “Netflix”, показывающего антиутопию ближайшего будущего. В ходе рефлексии в общем кругу одним из участников лаборатории была высказана идея о том, что у нас нет общего опыта и общих слов, которыми мы можем наделить технологии: «Позиция понятна: мы говорим о том, что мы в культуре не создали архетип, чтобы напитать этот непонятный технический объект чем-то, чтобы он соотносился с блоками сознательного уровня» [Инф. 17]. Возможно, поэтому каждый наделяет их сам, исходя из своего субъективного опыта, сознательного и подсознательного, который так трудно интерпретировать: «Задаюсь вопросом — чей это взгляд? Ведь ставя камеру, я вовсе не собираюсь ничего никуда выкладывать... Если честно, так до конца и не нашла ответа» [Инф. 14].

Интересно, может ли смартфон быть полноценным свидетелем в процессе аутентичного движения, и если да, то каким именно. Продолжая логическую линию, предлагающую счи-

тать экран *квазилицом*, можно сказать, что камера смартфона — это его *квазиглаза*: *глаз* или *взгляд*, присутствие которого меняет процесс, само по себе создает *совершенно другое переживание* опыта. Можно сказать, что для некоторых смартфон становится еще одним участником процесса, *вторгается* в него. Таким образом возникает метафора *большого глаза*, по аналогии с оруэлловским *большим братом*, приглядывающим за всеми. С одной стороны, камера смартфона становится молчаливым свидетелем, претендуя на возможность забрать функцию свидетеля не только внешнего, но еще и внутренне-го: «Я в какие-то моменты некой этой фигне технической делегировала функцию своего внутреннего свидетеля <...> я думала, что в этот момент могу своего внутреннего свидетеля отпустить, а все равно будет это на камере снято, я потом посмотрю» [Инф. 12]. С другой стороны, камера смартфона только кажется молчаливой, но может восприниматься как шум, значительное искажение: «Присутствие камеры вносило больше шума в процесс при свидетельствовании» [Инф. 7]; ее *железный взгляд* чувствуется как вторгающийся, неуместный, «предмет преодоления», от которого в процессе движения нужно «освободиться» [Инф. 7]. Иначе он может вести к «какой-то тут же своей недоискренности» [Инф. 14]. Процесс может перетекать в «перформанс, и наоборот, когда фокус внимания из внутреннего становится внешним» [Инф. 1]. На основании результатов лаборатории выяснилось, что смартфон может быть использован как инструмент, позволяющий движущемуся исследовать и интегрировать свой опыт, а свидетелю заниматься художественным творчеством. Мы можем говорить о достаточно отчетливо выделяемом в ряде случаев технологическом *другом*, который заметно отличается от *живого* участника и привносит в процесс аутентичного движения как новые возможности, так и помехи. Технически смартфон может быть свидетелем. Ниже речь пойдет о том, как такой тип свидетельствования влияет на телесно-сенсорный опыт участников, как движущихся, так и свидетелей, а также в конечном итоге является ли такой свидетель желанным для практиков, привыкших к близкому человеческому контакту.

Тело свидетеля

Прежде чем переходить к телесно-сенсорным эффектам технологически опосредованного свидетельствования, наблюдения за процессом движения через экран смартфона, возможности делать фото- и видеосъемку, необходимо упомянуть о свидетеле *живом*, привычном опыте аутентичного движения, с которым мы далее сравниваем смартфон. Наличие свидетеля формирует основу практики аутентичного движения, но речь идет

не только о том, чтобы видеть другого, а в гораздо большей степени о том, чтобы *быть увиденным*, получить поддержку особого свойства, ресурс, благодаря которому развитие становится возможным. Как пишет Джанет Адлер, ученица Мэри Старкс Уайтхаус и одна из наиболее известных учителей аутентичного движения, присутствие *внешнего* свидетеля нужно для того, чтобы движущийся осознал собственный опыт [Alder 2002: 6]. Развитие навыка свидетельствования является одной из первостепенных задач практики, при этом различаются разные типы свидетельствования. Например, свидетель может быть внутренний и внешний, движущийся в процессе и сидящий на краю круга, внешний свидетель может свидетельствовать различными способами: он может просто молчаливо присутствовать, может отвечать движущемуся как эхо, может свидетельствовать словами и жестами, возвращая движущемуся эпизоды его процесса, говорить о своем опыте в присутствии другого и т.д. — свидетельствование различается в разных направлениях аутентичного движения, но главная задача свидетеля остается неизменной: быть с движущимся в его опыте, сопresentствовать в моменте. Ниже мы рассмотрим влияние смартфона на практику для роли движущегося, а также для роли свидетеля.

Присутствие смартфона иногда может переживаться движущимся как *давление*, вопрос состоит в том, насколько сильно ощущается это давление и насколько его влияние критично для процесса. По результатам лаборатории это очень индивидуально. Мы можем попытаться проанализировать этот опыт в терминологии расширения или редукции телесно-сенсорного опыта. Расширением может быть просмотр записанного процесса, когда движущийся становится свидетелем собственного движения не только *изнутри*, но и *снаружи*, что добавляет еще одно измерение, которого раньше не было: «Это ресурсно для движущегося, быть в поле двойного внимания и получить потом двойную обратную связь» [Инф. 8]; «Важны все кадры, что получились, потому что они помогают мне соединить то, как я чувствую себя внутри, с тем, как я выгляжу снаружи» [Инф. 1]; «Появляется и ценность в видении того, как меня видят другие и, помимо этого, восстанавливается последовательность частей движения» [Инф. 4]; «При просмотре записи несколько раз замечала разницу между тем, как движение ощущается изнутри (и какой образ внутренний оно вызывает) и тем, как оно воспринимается снаружи (мною же!)» [Инф. 11]. Также свидетельская запись может быть ресурсом иного, творческого рода: «Операторское высвечивание каких-то сюжетов из процесса дает при обратной связи особенный вкус <...> тонкий момент единения» [Инф. 3]. Таким образом, технологиче-

ская медиация может быть еще одним инструментом для изучения себя, а также для интеграции внешних и внутренних образов: «Запись движения может быть полезной, если есть желание быть лучше визуально понятым и представленным» [Инф. 11]. Опыт просмотра записи не только работает как память, но и может вызывать телесную эмпатию. Важно также качество съемки: в случае, когда для съемки одного и того же процесса использовались 2 камеры, статичная и свидетельская, материал *неживой* камеры оказался неинтересен, а материал, творчески снятый свидетелем, *живой* камерой, вызвал соответствующий живой отклик. Впрочем, некоторый пласт телесно-сенсорного опыта может отрезаться при технологической медиации уже на стороне первоисточника этого опыта. По словам одной из участниц, в роли движущегося «поставить камеру — значит тут же лишиться большей части аутентичности и глубины процесса» [Инф. 14]. Наличие камеры иногда может обездвигивать участников или вызывать потерю связи с собой. Но некоторые не заметили особой разницы: «И с камерой и без я чувствую присутствие и внимание свидетеля, с доверием идя в процесс» [Инф. 8]. Интересно и то, как участники описывают этот опыт с точки зрения телесных ощущений: «Ощущаю ли я присутствие камеры? Пожалуй, да. Как мне с этим? Вполне. Напряжено ли мое тело? Да» [Инф. 15].

Больше результатов удалось зафиксировать по поводу роли свидетеля, фокус внимания в рефлексии уделялся именно этой позиции. На основании получившегося перекоса между ролями нельзя сказать с очевидностью, что медиация более критична, а трансформация более ощутима для того, кто смотрит. Тем не менее можно отметить, что самые большие потери зафиксированы именно в телесном опыте свидетеля. Крайним положением редукции можно назвать выключение телесного соприутствия, *телесной эмпатии*. Понятие телесной эмпатии отсылает к пониманию *соматического режима внимания* (*somatic mode of attention*), который означает «не только внимание к своему телу, но и внимание к телам других» и используется в антропологии в исследованиях целительских практик [Csordas 2013: 139]. В рамках аутентичного движения это конкретный навык, который позволяет обсудить полученный в результате эксперимента материал достаточно глубоко. Например, участниками отмечалось, что тело свидетеля *выключается* из процесса: внимание уходит, они не могут свидетельствовать и *выпадают*. Необязательно это происходит полностью, но многие заметили изменение привычного режима свидетельствования.

Выделяются отчетливо две разные позиции — свидетеля и оператора. Например, «если у меня нет с собой телефона, это одно

переживание, если я начинаю запечатлевать, чтобы куда-нибудь разместить, допустим, на *ютубчик* — это совсем другая позиция меня» [Инф. 17]. Камерой можно закрыться от любой негативной ситуации, какой бы эмоционально нагруженной она ни была. Можно просто достать смартфон и начать снимать. В данном случае речь идет о качестве свидетельствования — *со-переживания* и *со-причастности*, которое меняется. Проводится граница между восприятием непосредственным и опосредованным: «Человек, который снимает документальное кино, он свидетель события, но совсем не свидетель в смысле [аутентичного движения]» [Инф. 17]. Таким образом, в некоторых случаях камера включает другой режим соприсутствия, она отстраняет того, кто видит через экран, от происходящего. Наличие смартфона может превращать свидетеля в оператора: «Мне было очень круто снимать, но свидетелем при этом я не была» [Инф. 14]; «Свидетель как бы растворяется за этой пеленой технических действий» [Инф. 5]. В процессе практики происходят переходы из одного режима в другой: «Постоянный внутренний скрежет на тему: как выстроить кадр, чтобы все попало и тут же “аааа, я же не вижу его, я же не свидетельствую сейчас”, и было в этом скрежете нечто трогательное» [Инф. 3]. Интересно, что кто-то из участников может периодически совмещать эти режимы: «Прорываешься за рамки собственной операторской работы и все-таки присутствуешь» [Инф. 3], — а кто-то нет: «В каждый конкретный момент времени я могу либо снимать, либо видеть, проживать, чувствовать» [Инф. 14]. Интеграция опыта технологий, позволяющая оставаться в телесном присутствии, оказалась недоступна большинству опытных телесно-ориентированных практиков.

По словам некоторых участников процесса, фокус при таком свидетельствовании смещается на визуальность. Камера предлагает дополнительные возможности, связанные с медиацией и трансформацией визуальной информации, которых человеческое тело не имеет: «Какое богатство!» [Инф. 2]. Тогда в постфеноменологической терминологии это могут быть отношения расширения: «Несколько потоков вот этой дополнительной красоты <...> ракурсы, уровни, это можно увязывать с фактурами — там столько еще дополнительных объемов появляется» [Инф. 2]. Свидетель со смартфоном в руках получает дополнительные способы участвовать в процессе, которые воспринимаются им как активная позиция: «В свидетельствовании через камеру есть элемент со-творчества, и поэтому оно приобретает особую ценность» [Инф. 11], и это — новые возможности свидетельствования: «Ракурс меняется, и я как свидетель переживаю этот процесс буквально как свой <...> этот

фокус может направляться туда, как фонарик — он может включаться, как-то освещать» [Инф. 5].

В отличие от «режима бытия» использование смартфона, пусть даже в свидетельских или творческих целях — это уже «режим действия» [Инф. 14]. Когда эти режимы последовательны и несовместимы в опыте конкретного человека, свидетель с точки зрения телесной осознанности «теряет» и движущегося, и себя, в результате «остаются только кадры» [Инф. 14]. Но есть также участники, которые были способны преодолеть ситуацию, в которой «камера отрезала связь с движущимся», правда, для этого им «приходилось прикладывать усилия, удавалось это с трудом» [Инф. 8]. Те, у кого «канал эмпатии не закрывается», говорят о привычке и навыке: «Я к нему уже привычна» [Инф. 3]. Практика аутентичного движения обнаруживает различные режимы свидетельствования: оно может быть созерцательным, а может быть весьма вовлеченным на уровне телесно-сенсорного опыта, своего рода телесной эмпатией. Именно на этот режим свидетельствования технологическая медиация оказывает заметное влияние, как будто выключая его или существенным образом снижая возможность эмпатичного телесного соприсутствия для многих участников. Взамен предлагается притягательная альтернатива «залипнуть» в телефоне: «Сначала я была сосредоточена больше на телефоне» [Инф. 9], — но также запечатлеть « всю эту красоту» [Инф. 2, 7], прикоснуться к творчеству.

Визуальная составляющая, например *сэлфи*, исследуется все шире, но не всегда ученые имеют возможность идти дальше кластеризации, глубже проанализировать, что стоит за контентом. Таким образом, на передовой науки часто оказывается виртуальное тело, без взаимосвязи с телом физическим или проживаемым, *here body*, которое нельзя ухватить внешними цифровыми методами. Иногда речь идет об исследованиях, которые не могли быть осуществлены раньше и представляют интерес. Например, можно обнаружить использование *data-методов*, позволяющих выяснить, как отличаются цифровые фото-культуры в разных странах [Redi et al. 2016]. Также по-прежнему есть подходы, которые на сравнительном качественном полевом материале позволяют сделать вывод о том, что «обобщения о новых визуальных формах, таких как сэлфи, часто бывают неточными» [Miller et al. 2016: xvi], поскольку их нужно рассматривать в связи с социальными отношениями [Miller et al. 2016: 166]. Но пока трудно обнаружить такие исследования, которые шли бы в своей интеграции еще дальше социальности, включая телесный опыт. Возможно, это вопрос недалекого будущего, когда в условиях более существенной информационной перегрузки общество будет вынуждено вер-

нуться к выпавшему из процесса опосредованной коммуникации телу, а также обеспечит для этого технологические и методологические возможности. Пока же можно наблюдать отдельные предпосылки к этому в виде трендов *золотого миллиарда*, пропагандирующих офлайн как новую роскошь.

Быть или не быть

Ниже предлагается небольшой заключающий раздел, посвященный рефлексии сначала в рамках лаборатории, а затем за ее пределами. Среди участников обсуждение, нужен ли смартфон в процессе традиционной офлайн-практики или нет, вызвал активную дискуссию. Вопрос возник спонтанно перед началом процесса во время обсуждения идеи технологической медиации. Некоторые участники высказали отсутствие интереса идти в такой процесс по разным причинам — кто-то уже имел такой опыт, кто-то отказывался его иметь, считая, что это противоречит идее непосредственного контакта в практике аутентичного движения. В обсуждении до и после процесса несколько раз звучало слово «раскол», но в случае конкретной лаборатории это не стало так называемым цифровым расколом, *digital divide*, когда есть те, кто принял технологию, и те, кто он нее отказался. Группа участвовала в эксперименте в полном составе. Но, возможно, причина кроется в том, что это был просто еще один эксперимент в месте, специально предназначенном для экспериментов в практике, которая каждый раз выступает как новый эксперимент — участник закрывает глаза и не знает, что будет дальше. Причины выступить «за» были во многом связаны с вызовами повседневной жизни, например интересом «уловить разницу во внутреннем состоянии движущегося (в данном случае меня) с видеосъемкой и без нее, поскольку в обычной жизни мне очень знакомо ощущение нарастания внутреннего напряжения, если я знаю, что меня снимают» [Инф. 11]. Можно обозначить это как интерес к исследованию «подключенной к сети» реальности за пределами зала.

Наиболее волнующим результатом эксперимента для сообщества стало обнаружение полифонии индивидуального опыта: «После того как мое отношение к камере в [аутентичном движении] оформилось опытом, я была удивлена, насколько по-разному сложились отношения к камере в других группах» [Инф. 11]; «Поразилась многогранности восприятия как движущихся, так и свидетелей» [Инф. 8]; «Я сейчас переживаю, насколько разные эти реальности» [Инф. 3]. Но, несмотря на то что многие участники выяснили для себя интересные моменты относительно своего восприятия технологий («Вообще-то мне не понравилось, но что-то полезное же надо вынести»

[Инф. 1]), эксперимент с технологической медиацией вряд ли станет частью практики аутентичного движения. Так, опыт участников выявил противоречие технологической медиации и принципов аутентичного движения, таких как вовлеченное телесное свидетельствование или развитие навыка внутреннего свидетеля. Красивая идея *интегрировать реальности* не всегда успешна на практике: каждый участник обладает своими индивидуальными настройками, интересами и потребностями. Те, кто могут быть «либо в кадре, либо в реальности (телесной, эмоциональной)» [Инф. 14], ищут в аутентичном движении *реальности* телесно-сенсорного опыта и отношений с *другим*, возможности быть по-настоящему *увиденным* — именно это составляет суть практики. Если качество контакта с собой и с *другим* теряется, практика перестает иметь смысл, а возможно, также перестает называться аутентичным движением в том смысле, который в него вкладывают практикующие с большим опытом. Впрочем, тех, у кого получается интегрировать технологический опыт, использовать фото- и видеосъемку, постить в социальных сетях, это не касается — они и так это делают.

Резюмируя, можно сказать, что привнесение смартфона в процесс существенным образом меняет традиционную (*офлайн*) телесно-ориентированную практику аутентичного движения, и это изменение нельзя оценить однозначно, поскольку для участников лаборатории результаты существенным образом различаются.

1. Смартфон воспринимается в широкой палитре эмоций и смыслов, учитывающей разнообразные индивидуальные и ситуационные факторы. Как технологический *другой* в терминах постфеноменологии, смартфон существует, но он не определен для общества в целом. Помимо *камеры-глаза*, возникающие образы, описанные участниками, не повторяются, и это может стать отдельной темой для дальнейшего исследования.

2. В роли движущегося можно наблюдать эффект расширения опыта в виде обратной связи, включающей появление цифровых копий и возможность самому стать себе *внешним* свидетелем, интегрировав опыт движения, воспринимаемый изнутри и снаружи. Но наряду с положительными и нейтральными случаями есть также случаи редукции телесно-сенсорного опыта, когда наличие смартфона лишало процесс глубины.

3. В роли свидетеля эффекты от наличия смартфона еще в большей степени поляризуются. Наиболее часто озвучиваемым комментарием стало снижение телесной осознанности в разной степени, начиная от повысившейся *нестабильности* внимания до полного *выключения* тела из процесса свидетельствования.

вания. Был также выделен паттерн переключения режимов внимания и связанного с этим телесного присутствия, описаны различающиеся роли свидетеля и оператора, который по своему телесному отклику, качеству *со-переживания* больше не является свидетелем в терминах аутентичного движения. Технологическая медиация работает по-разному для роли движущегося и свидетеля, но часто наличие смартфона способствует тому, что связь с собой может ухудшаться или даже рваться как у движущихся, так и у свидетелей.

В рамках лаборатории участники, как правило, спонтанным образом разделяли свой опыт как движущихся и как свидетелей. Но важно отметить, что опыт роли не является жестко фиксированным и зависит от индивидуальных навыков. Тема навыков актуальна для сообщества, она неоднократно обсуждалась в рефлексии: помимо исследования *режимов переключения внимания*, речь заходила о таком понятии, как *ширина канала внимания*, способности вобрать разный опыт, интегрировать его и о том, как можно с этим работать, развивая. Как следует из работ Джанет Адлер¹, имеющей 50-летний стаж практики, по мере накопления опыта происходит интеграция ролей. Постепенно от явного разделения на движущегося и свидетеля практик может прийти к движущемуся-свидетелю, при этом интегральный свидетель — одна из стадий этого процесса. Таким образом, в качестве возможного продолжения исследования было бы интересно рассмотреть на практическом материале разные стадии свидетельствования, а также попытаться соотносить эти стадии со способностью интегрировать технологии, сохраняя при этом телесное присутствие. В качестве гипотезы перед началом исследования было выдвинуто предположение, что опытные участники аутентичного движения смогут интегрировать появление смартфона как дополнительного обстоятельства практики, но в таком виде она не подтвердилась. В результате смартфон может менять практику, он может мешать практике, он может создавать дополнительные возможности для исследования себя, но, как правило, большинству участников не удается сохранять при этом телесное присутствие. Может быть, следующее поколение гаджетов и следующее поколение практиков аутентичного движения покажут другие результаты. Вне зависимости от текущего поля, путь, предлагаемый Джанет Адлер, кажется автору интересным методологически: возможно, работая в подобном направлении, можно попытаться приблизиться на практике к исследованию не телесно-сенсорного опыта взаимодействия человека с техноло-

¹ Adler J. The Mandorla and the Discipline of Authentic Movement. <<http://www.disciplineofauthenticmovement.com/discipline-of-authentic-movement-mandorla.html>>.

гиями, версии, предлагаемой уже несколько десятков лет постфеноменологами, а техно-корпо-реальности.

Необходимо также сделать ремарку о том, что свидетельствование в практике аутентичного движения отличается от простого наблюдения как методологически, так и этически. Говоря о методе, свидетель не просто наблюдает за движущимся, он одновременно наблюдает и за собой в присутствии движущегося. В этическом плане аутентичное движение также идет дальше современной социальной науки с ее информированным согласием и этическими комитетами, постулируя, что именно движущийся является *хозяином своего опыта*, и стараясь реализовать это положение на практике. В направлении Джанет Адлер свидетель может спрашивать, нужно ли движущемуся его свидетельствование, а также какое свидетельствование по форме или по конкретному эпизоду движущийся хочет получить. Если в момент свидетельствования движущийся говорит о том, что ему достаточно, свидетель прекращает говорить — даже в случае, если у него остается много нерассказанного материала, которой переполняет его. Таким образом свидетель учится усваивать, *контейнировать* свой опыт, как он учится и не интерпретировать опыт движущегося и не переносить свой опыт на опыт движущегося, а свидетельствовать движение и его проговаривание опыта, прямую речь движущегося, в тот момент, когда это происходит. Свидетельствование в аутентичном движении отличается и от того, что называется включенным наблюдением в этнографии, где между исследователем и человеческим объектом исследования допускается возможность взаимного влияния, создания совместного опыта и даже совместной культуры [Wagner 1981], но все же подразумевается дистанция, а главное, существует возможность проецирования позиции исследователя на объект исследования, что является повсеместно распространенной практикой. Отличается оно и от автоэтнографии, которая может использовать аналитическую рефлексию, сравнивает позиции, методы и результаты исследования. Таким образом, аутентичное движение может быть не только полем, но и источником метода, особенно в тех областях, где требуется глубокий качественный анализ, связанный с опытом *here body*. Возможно, что именно такое направление исследований труднее всего будет заменить машинами.

В заключение хотелось бы обратиться к интервью с британским антропологом Дэниелом Миллером, цитирующим рабочего: «Знаете, за пределами смартфона жизнь в общем-то невыносима» [Фаворов 2016]. Проблема не только смартфонов, но, возможно, жизни в том, что в смартфоне она также может быть невыносимой в такой же или даже в большей степени.

На эмпирическом материале можно хорошо понять стремление к использованию смартфона как деятельности, которая может моментально переключать фокус внимания и занимать, погружая нас в пространство наших персональных интересов, позволяя нам чувствовать себя *творцами* — и быть ими. В этом смысле камера современного смартфона во многом наследует фотокамере, описанной Зонтаг, когда «простое, входящее в привычку занятие позволяет нам участвовать в чужих жизнях и вместе с тем ведет к отчуждению» [Сонтаг 2013: 218]. Правда, будучи подключенным к сети, смартфон стал намного эффективнее: персонифицированнее, интерактивнее. Его наличие обладает потенциалом расширять наши возможности, соединяя нас с другими, а также добавляя нам еще одно, цифровое, измерение себя, помогая видеть себя со стороны в огромном потоке обратной связи, в том числе визуальной. Но можно также увидеть ограничения, которые накладывает технологическое опосредование. Как отмечалось выше, речь может идти о снижении способности в полной мере поддерживать контакт с телесно-сенсорным изменением себя и других, в сравнении с ситуациями офлайн. В процессе практики смартфон воспринимается как технологический *другой*, наполненный персональными смыслами, страхами и ожиданиями. Как свидетель, смартфон — это *большой глаз большого брата*, превращающий движение в перформанс, но не позволяющий большинству в полной мере ощутить это искусство своим телом, поэтому большинство практиков аутентичного движения не готовы использовать его при наличии регулярных офлайн-форматов. Несмотря на то что современные технологии позволяют все время быть на связи и на виду, это не означает быть *увиденным* в том смысле, в котором практики аутентичного движения используют присутствие движущегося и свидетеля для осознания себя и своего опыта. Возможно, новой задачей современного человека становится не только необходимость интегрировать технологии в жизнь, но и поддерживать собственную интегрированность, расширенную в виртуальное пространство.

Источники

- Adler J.* Offering from the Conscious Body: The Discipline of Authentic Movement. Rochester, VT: Inner Traditions, 2002. 264 p.
- Alderman L.* The Phones We Love Too Much // The New York Times. 2017, May 2. <<https://www.nytimes.com/2017/05/02/well/mind/the-phones-we-love-too-much.html>>.
- Bloomberg.* Apple Is Set to Unveil Software That Helps People Use Their iPhone Less Often // Time. 2018, June 1. <<http://time.com/5298442/apple-software-iphone-addiction/>>.

- Chodorow J.* Dance Therapy and Depth Psychology: The Moving Imagination. L.; N.Y.: Routledge, 1991. 200 p.
- Haselton T.* Google Fighting Smartphone Addiction with Android P “Digital Wellness” // CNBC. 2018, May 9. <<https://www.cnbc.com/2018/05/09/google-fighting-smartphone-addiction-with-android-p-digital-wellness.html>>.
- Lanier J.* Ten Arguments for Deleting Your Social Media Accounts Right Now. N.Y.: Henry Holt and Co., 2018. 160 p.
- Heater B.* “Gaming Disorder” Is Officially Recognized by the World Health Organization // TechCrunch. 2018, June 18. <<http://social.techcrunch.com/2018/06/18/gaming-disorder-is-officially-recognized-by-the-world-health-organization/>>.
- Twenge J.M.* Have Smartphones Destroyed a Generation? // The Atlantic. 2017, Aug. 3. <<https://www.theatlantic.com/amp/article/534198/>>.
- Whitehouse M.S.* Reflections on a Metamorphosis // Pallaro P. (ed.). Authentic Movement: Essays. Mary Starks Whitehouse, Janet Adler and Joan Chodorow. L.: Jessica Kingsley Publishers, 1999. P. 58–62.
- Williams J.* Stand Out of Our Light // TEDxAthens. 2017. <<https://www.youtube.com/watch?v=MaIO2UIvJ4g>>.

Библиография

- Глазков К.П.* Телесное присутствие в геолокационных играх // Социология власти. 2017. № 3 (29). С. 163–196.
- Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб.: Наука, 1999. 608 с.
- Сироткина И.Е.* Тело до и после цифры // Клуб любителей интернета и общества. 2018. <<https://youtu.be/v9pQwus6Y34>>.
- Соколовский С.В.* Антропотехноморфизмы и антропология техно-корпо-реальности // Социология власти. 2017. № 3 (29). С. 23–40.
- Соколовский С.В.* Три тела // Клуб любителей интернета и общества. 2018. <<https://youtu.be/NGXJLBHQP-E>>.
- Сонтаг С.* О фотографии. М.: Ad Marginem, 2013. 272 с.
- Фаворов П.* Дэниел Миллер: «Смартфон — самая важная вещь из всего, чем мы сейчас владеем» // Colta. 2016. <<http://www.colta.ru/articles/society/12910>>.
- Csordas T.* Somatic Modes of Attention // Cultural Anthropology. 1993. Vol. 8. No. 2. P. 135–156.
- Goggin G., Hjorth L.* (eds.). The Routledge Companion to Mobile Media. N.Y.: Routledge, 2014. 582 p.
- Haraway D.* Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s // Socialist Review. 1985. No. 80. P. 65–109.
- Ilde D.* The Experience of Technology: Human-Machine Relations // Philosophy and Social Criticism. 1975. Vol. 2. P. 267–279.
- Ilde D.* Bodies in Technology. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002. 180 p.

- Ihde D.* Postphenomenology and Technoscience: The Peking University Lectures. Albany: State University of New York Press, 2009. 92 p.
- Miller D., Costa E., Haynes N., McDonald T., Nicolescu R., Sinanan J. et al.* How the World Changed Social Media. L.: UCL Press, 2016. 286 p.
- Miller D., Sinanan J.* Webcam. Cambridge; Malden: Polity, 2014. 212 p.
- Mol A.* The Body Multiple: Ontology in Medical Practice. Durham: Duke University Press, 2002. 216 p.
- Redi M., Crockett D., Manovich L., Osindero S.* What Makes Photo Cultures Different? // Proceedings of the 2016 ACM on Multimedia Conference. N.Y.: ACM, 2016. P. 287–291.
- Rosenberger R., Verbeek P.-P.* (eds.). Postphenomenological Investigations: Essays on Human-Technology Relations. Lanham: Lexington Books, 2015. 292 p.
- Utekhin I.* Small Data First: Pictures from Instagram as an Ethnographic Source // Russian Journal of Communication. 2017. Vol. 9. No. 2. P. 185–200.
- Verbeek P.-P.* What Things Do: Philosophical Reflections on Technology, Agency, and Design. University Park: Penn State Press, 2005. 264 p.
- Wagner R.* The Invention of Culture. Chicago: The University of Chicago Press, 1981. 168 p.
- Wellner G.* The Quasi-Face of the Cell Phone: Rethinking Alterity and Screens // Human Studies. 2014. Vol. 37. P. 299–316.

Список информантов

(Номера от 1 до 19 были присвоены всем участникам лаборатории. В списке приводятся только те участники, цитаты которых включены в текст статьи.)

Инф. 1. Ж, 32 года.

Инф. 2. Ж, 39 лет.

Инф. 3. Ж, 39 лет.

Инф. 4. Ж, 35 лет.

Инф. 5. М, 36 лет.

Инф. 7. Ж, 31 год.

Инф. 8. Ж, 32 года.

Инф. 9. Ж, 43 года.

Инф. 11. Ж, 45 лет.

Инф. 12. Ж, 49 лет.

Инф. 14. Ж, 32 года.

Инф. 15. Ж, 44 года.

Инф. 17. М, 36 лет.

Smartphone as a Witness: Technological Mediation of Bodily Sensory Experience

Elena Sokolova

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences
32a Leninskiy Av., Moscow, Russia
elena.k.sokolova@gmail.com

The article explores how the use of smartphones — one of the most widespread user technologies at the moment — change the traditional (offline) body-oriented practice of authentic movement. It aims to determine one role of the smartphone as a technology of mediation, as well as to highlight the effects of mediation at the level of bodily and sensory experience. Technological industries increasingly focus on data methods that help to exclude the so-called human factor: errors, incorrect information, and the high costs of contact. However, in this general context of the increasing efficiency of research, there is a desire not to exclude the subjective position of a user altogether: it has value for a social researcher who makes it possible to discover meanings that are inaccessible to big data methods with the help of a holistic ethnographic approach.

Based on empirical material, a smartphone can immediately absorb a user's attention and remove them from the surrounding environment. It also gives users an opportunity to become creators. In this sense, a smartphone camera is like a traditional camera, but it becomes much more effective. It has the potential for expanding a user's capabilities by connecting people and providing a constant flow of information feedback, including visual feedback. However, there are some limitations imposed by technological mediation, such as a decrease in the ability to fully maintain contact with the bodily-sensory dimension of self and others, compared to offline situations. Intruding into a practice of authentic movement, a smartphone can be perceived as a *technological other*, an abstract figure filled with various individual meanings, fears, and expectations. As a witness, a smartphone is *the big eye of the big brother*, which turns authentic movement into performance, but doesn't allow the majority of practitioners to completely feel this art with their disconnected bodies. Therefore, many of them are not ready to use smartphones in their regular offline formats. Technologies make us connected and visible, but this does not mean *to be seen* in the sense of genuine co-presence in authentic movement.

Keywords: body, technologies, smartphone, mediation, authentic movement, witnessing, experiment, ethnography, postphenomenology.

References

- Csordas T., 'Somatic Modes of Attention', *Cultural Anthropology*, 1993, vol. 8, no. 2, pp. 135–156.
- Favorov P., 'Deniel Miller: "Smartfon — samaya vazhnaya veshch iz vsego, chem my seychas vladeem"' [Daniel Miller: "Smartphone is the Most Important Thing of All That We Own Now"], *Colta*, 2016. <<http://www.colta.ru/articles/society/12910>>. (In Russian).
- Glazkov K. P., 'Telesnoe prisutstvie v geolokatsionnykh igrakh' [The Bodily Presence in Location-based Mobile Games], pt. 1, *Sotsiologiya vlasti*, 2017, no. 3 (29), pp. 163–196. (In Russian).
- Goggin G., Hjorth L. (eds.), *The Routledge Companion to Mobile Media*. New York: Routledge, 2014, 582 pp.
- Haraway D., 'Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s', *Socialist Review*, 1985, no. 80, pp. 65–109.
- Ihde D., 'The Experience of Technology: Human-Machine Relations', *Philosophy and Social Criticism*, 1975, vol. 2, pp. 267–279.
- Ihde D., *Bodies in Technology*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002, 180 pp.
- Ihde D., *Postphenomenology and Technoscience: The Peking University Lectures*. Albany: State University of New York Press, 2009, 92 pp.
- Merleau-Ponty M., *Phenomenology of Perception*. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2013, 696 pp.
- Miller D., Sinanan J., *Webcam*. Cambridge; Malden: Polity, 2014, 212 pp.
- Miller D., Costa E., Haynes N., McDonald T., Nicolescu R., Sinanan J. et al., *How the World Changed Social Media*. London: UCL Press, 2016, 286 pp.
- Mol A., *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice*. Durham: Duke University Press, 2002, 216 pp.
- Redi M., Crockett D., Manovich L., Osindero S., 'What Makes Photo Cultures Different?', *Proceedings of the 2016 ACM on Multimedia Conference*. New York: ACM, 2016, pp. 287–291.
- Rosenberger R., Verbeek P.-P. (eds.), *Postphenomenological Investigations: Essays on Human-Technology Relations*. Lanham: Lexington Books, 2015, 292 pp.
- Sirotkina I. E., 'Telo do i posle tsifry' [Body before and after Digital], *Klub lyubiteley interneta i obshchestva* [Club for Internet and Society Enthusiasts], 2018. <<https://youtu.be/v9pQwus6Y34>>. (In Russian).
- Sokolovskiy S. V., 'Antropotekhnomorfizmy i antropologiya tekhnokorporalnosti' [Anthropotechnomorphisms and the Anthropology of Techno-Corpo-Reality], *Sotsiologiya vlasti*, 2017, no. 3 (29), pp. 23–40. (In Russian).
- Sokolovskiy S. V., 'Tri tela' [Three Bodies], *Klub lyubiteley interneta i obshchestva* [Club for Internet and Society Enthusiasts], 2018. <<https://youtu.be/NGXJLBHQP-E>>. (In Russian).
- Sontag S., *On Photography*. London: Penguin, 1979, 224 pp.

- Utekhin I., 'Small Data First: Pictures from Instagram as an Ethnographic Source', *Russian Journal of Communication*, 2017, vol. 9, no. 2, pp. 185–200.
- Verbeek P.-P., *What Things Do: Philosophical Reflections on Technology, Agency, and Design*. University Park: Penn State Press, 2005, 264 pp.
- Wagner R., *The Invention of Culture*. Chicago: The University of Chicago Press, 1981, 168 pp.
- Wellner G., 'The Quasi-Face of the Cell Phone: Rethinking Alterity and Screens', *Human Studies*, 2014, vol. 37, pp. 299–316.